

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SAE.2024.75.60.012>
УДК 340

**ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОБЕГОВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В 1945 ГОДУ
(ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Упоров И.В.¹, Стронская А.Д.²

*Краснодарский университет МВД России¹,
Межрегиональный учебный центр по подготовке сотрудников отделов спецназначения
УФСИН России по Краснодарскому краю²*

Аннотация. В данной рассматривается малоизученный аспект деятельности исправительно-трудовых колоний Краснодарского края в переходный период от завершающих месяцев Великой Отечественной войны (январь – начало мая 1945 г.) к непосредственно послевоенному времени (начало мая – середина июня 1945 г.) по предупреждению побегов заключенных из мест лишения свободы, что и определяет актуальность данного исследования. Авторами анализируются документальные материалы Архива Управления ФСИН РФ по Краснодарскому краю (протокол совещания при начальнике ОИТК Управления НКВД Краснодарского края от 19 июня 1945 г.), научные труды по заявленной теме. Отмечается, что проблема побегов заключенных в исследуемый период времени была одна из самых актуальных в деятельности исправительно-трудовых учреждений, делаются соответствующие обобщения информации, содержащейся в архивных документах.

Ключевые слова: исправительно-трудовые колонии, побеги, Краснодарский край, режим, хозяйственные органы, военизированная охрана, уголовно-исполнительное право

**PRISONER ESCAPE PREVENTION FROM PRISONS IN 1945
(ACCORDING TO ARCHIVAL DOCUMENTS IN THE KRASNODAR REGION)**

Ivan V. Uporov¹, Anna D. Stronskaya²

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia¹,
Interregional Training Center for the Training of employees of Special Purpose Departments of the Federal
Penitentiary Service of Russia in the Krasnodar Territory²*

Absrtact. A little-studied aspect of the activity of corrective labor colonies of the Krasnodar Territory during the transitional period from the final months of the Great Patriotic War (January - early May 1945) to the immediate post-war period (early May - mid-June 1945) to prevent prisoner escapes is considered. from places of detention. The documentary materials of the Archive of the Office of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation for the Krasnodar Territory (minutes of the meeting at the head of the OITK of the NKVD Directorate of the Krasnodar Territory dated June 19, 1945), scientific papers on the stated topic are analyzed. It is noted that the problem of escapes of prisoners during the study period was one of the most relevant in the activities of correctional labor institutions, generalizations are made of the information contained in archival documents.

Key words: corrective labor colonies, escapes, Krasnodar Territory, regime, economic agencies, paramilitary guards, penal enforcement law.

Введение. Одна из особенностей печально известного ГУЛАГа (1930-1956 гг.) заключается в том, что эта исправительно-трудовая (по современной терминологии – уголовно-исполнительная) система функционировала достаточно стабильно весь период, включая Великую Отечественную войну. О функционировании ГУЛАГа в военное время имеется ряд публика-

ций (в числе авторов А.Н. Голубева, В.Н. Земских, В.М. Исаков, И.В. Лямин, Е.С. Маменкова, А.В. Мороз, В.П. Очердько, Ю. А. Реент, А.Т. Ткачева, Л.Б. Смирнов, В.В. Шефер, А.А. Шувалов, О.Н. Яковлева и др.).

Так, А.Н. Голубевой отмечается, что заключенные, содержащиеся в исправительно-трудовых лагерях (далее – ИТЛ) и исправитель-

но-трудовых колониях (далее – ИТК), «несмотря на тяжелейшие условия содержания и труда, как и большинство советских людей, приближали разгром Третьего рейха ... Около миллиона из них были мобилизованы в ряды РККА, многие были награждены орденами и медалями» [1, с. 26].

Вместе с тем, как полагает В.М. Исаков, «не все осужденные понимали важность своего труда для обороны страны и нужд фронта. Часть заключенных уклонялась от работ с целью отправки на фронт, другие прибегали к актам членовредительства, но не могли отказаться от работы, так как согласно специальной инструкции от 1942 г. начальнику конвоя после двукратного предупреждения разрешалось применять оружие» [2, с. 41].

Эти два суждения, касающиеся периода Великой Отечественной войны, можно считать, на наш взгляд, экстраполяцией общих тенденций в поведении заключенных в местах лишения свободы, причем, как в военное, так и в мирное время, а именно – основная часть заключенных соблюдала установленные правила поведения, а меньшая часть были их нарушителями, и именно из их числа, прежде всего, наблюдались факты предательства заключенных, участвовавших в боевых действиях. По этому поводу Ю.А. Рент справедливо указывает на то, что «в годы войны, несмотря на крайне тяжелые социальные условия изоляции, заключенные лагерей и колоний, в своем подавляющем большинстве, проявили высокие патриотические качества» [3, с. 84], а в другой работе он подчеркивает, что «наиболее тяжелым оказался период с 1941 по 1943 год, но именно он показал жизнеспособность системы и ее эффективность в условиях чрезвычайной обстановки военного времени. Разумеется, это не оправдывает применение порой античеловеческих методов работы с заключенными» [4, с. 137].

Обсуждение. В этом контексте, значительно меньше внимания уделяется состоянию дел в уголовно-исполнительной системе СССР непосредственно в послевоенное время, и практически не рассматривается повседневная жизнь исправительно-трудовых колоний в переходный период, имея в виду окончание Великой Отечественной войны и первые месяцы послевоенного времени.

В данной связи, на примере исправительно-трудовых колоний Краснодарского края рассмотрим особенности функционирования ИТК в указанный период (заметим, что исправительно-

трудовые лагеря здесь не рассматриваются, поскольку они не были характерны для Краснодарского края). В этих целях, проанализируем ряд архивных документов, находящихся в Архиве УФСИН РФ по Краснодарскому краю.

В данном контексте, представляют интерес материалы совещания начальников колоний, командиров дивизионов и начальников Отделений ОИТК (Отдела исправительно-трудовых колоний) УНКВД Краснодарского края, которое состоялось 19 июня 1945 г., где имеется информация о деятельности исправительно-трудовых колоний за несколько месяцев до окончания Великой Отечественной войны (январь – начало мая 1945 г.), и частично – после ее окончания (начало мая 1945 - середина июня 1945 г.) [5].

На данном совещании основное внимание было уделено вопросам предупреждения побегов заключенных из ИТК; соответственно, этой теме в статье уделяется основное внимание.

Первым выступил начальник ОИТК «тов. Минаев» (в протоколах указываются только фамилии, а к выступающим добавляется приставка «тов.», то есть, «товарищ», как тогда на официальном уровне принято было обозначать как госслужащих, так и простых граждан) в своем вступительном слове определил свою исходную позицию, отметив, что ОИТК в условиях восстановления хозяйств на освобожденной территории достиг положительных результатов по выполнению производственной программы в целом и контрагентским работам, по снижению себестоимости промышленной продукции, перевыполнению плана по накоплениям и перечислениям средств в УИТК ГУЛАГа, добился перевыполнения плана по использованию труда заключенных на производстве. Но, «наряду с этим, имеется существенные недостатки» [5, л.1]. И далее перечисляются эти недостатки, причем, очень кратко: не выполнен план по урожайности и допущен перерасход по себестоимости продукции. Было отмечено также «плохое состояние режима и охраны заключенных, результатом чего имеет место большое количество побегов, неудовлетворительные жилищно-бытовые условия содержания заключенных» [5, л.1]. При этом Минаев, по сути, дал оценку самому себе, причем, самокритическую: «В связи с отмеченными выше недостатками, работу ОИТК УНКВД Краснодарского края за 1944 г. признать не вполне удовлетворительным» [5, л.1].

Наиболее важным вопросом для ИТК было обеспечение режима содержания заключенных, и именно с него началось обсуждение. Си-

туацию по состоянию режима в ИТК обрисовал «тов. Егоров». Его должность не указана, но, судя по содержанию выступления, он являлся заместителем начальника ОИТК, как раз, по режимной работе. В частности, Егоров отметил, что в 1944 г. имели место 78 случаев грубого нарушения несения караульной службы; в результате, были совершены 21 побег особо опасных преступников; за период времени с января было 32 побега. Далее он указал, что после создания опервзвода были задержаны 8 особо опасных преступников, бежавших в 1944 г., а из бежавших заключенных в 1945 г. не задержано еще 17 человек. И далее Егоров подводил итог: «Если проанализировать работу по режиму и содержанию заключенных в 1944 г., то должен сказать, что многие начальники справились с этой трудной задачей на хорошо, так например: ИТК № 1,3,4,5,6,7 и Пер/пункт. Эти колонии не имели ни одного побега ... Из ГУЛАГа мы имели указания о немедленной перестройке работы по режиму и изоляции заключенных. В тех колониях, где нач. колонии и командный состав в/охраны проводят разъяснительную работу со стрелками и где правильно поставлен вопрос содержания и изоляции заключенных – там нет побегов» [5, л.2].

В принятом в советской бюрократии обычае, в такого рода отчетах о своей деятельности после перечисления достижений некоторое внимание уделяется и недостаткам. В частности, Егоровым указывалось на то, что большинство побегов совершено из ИТК № 14; например, за 10 дней апреля 1945 г. бежали 6 государственных преступников, и такое положение «можно объяснить тем, что слабо руководит работой начальник ИТК. Сама зона была не дооборудована» [5, л.3].

Выступления начальников и других сотрудников ИТК и ОИТК были построены по такой же примерно структуре. Сначала на «ковер» пригласили работников критикуемой ИТК-14. В оправдание указанных выше недочетов, связанных с большим количеством побегов заключенных, начальник ИТК-14 тов. Ильин заявил, что стрелки подразделения охраны имеют нарушения правил несения караульной службы, в том числе допускают сон на посту, бесцельную стрельбу во время своего дежурства, вследствие чего, был ранен заключенный, однако, «за нарушение устава стрелки не привлекаются к ответственности со стороны штаба ОИТК. Отсюда вывод, что порождало побег заключенных» [5, л.3]. В свою очередь, ответственный за работу

стрелков-охранников тов. Березовский, который, судя по выступлению, только-только был назначен на эту должность, сказал о том, что «в момент моего прибытия в ИТК-14» военизированная охрана состояла, в большинстве своем, из взятых в охрану местных жителей, которые оставались на оккупированной территории, и которые нести службу в охране «не хотели», и именно «из-за такой засоренности охраны не прекращаются побегии». Было отмечено также, что «на всю охрану мы имеем 15 отличников политической и боевой подготовки, которые борются за выполнение производственного плана. Вахта в зоне не оборудована. На бойцов военизированной охраны взысканий не накладывается из-за отсутствия карцера» [5, л.3-4].

Довольно жестко по поводу причин побегов заключенных из ИТК-14 выступил оперуполномоченный этой же колонии тов. Шульга, который заявил, что «в первую очередь, необходимо заменить политработника, который систематически занимается пьянкой». Далее, он отметил, что «побеги зависят от нашей плохой работы. Укомплектованности бригады нет, отсутствует также попутные списки. Если списки в некоторых бригадах имеются, то они не согласованы с командиром дивизиона. Руководство оторвано от зоны, телефонной связи в колонии нет. Если укрепить все вышеперечисленные недочеты в работе, тогда только прекратятся побегии» [5, л.4].

Такая смелость в критике руководства ИТК-14, в которой оперуполномоченный Шульга сам же работал, может быть объяснена, очевидно, тем обстоятельством, что оперативные работники НКВД СССР, в каких бы подразделениях они формально не числились, обладали повышенной автономности в своей деятельности; этих «особистов» побаивались другие сотрудники исправительно-трудовых учреждений (не забудем, что сам ГУЛАГ изначально в 1930 г. был создан при печально известном ОГПУ – преемнике ВЧК; соответственно, непосредственное руководство оперативной работой в местах лишения свободы возлагалось на Полномочные представительства ОГПУ [6, с.7], то есть, де-факто, автономно от руководства исправительно-трудовых учреждений).

В других выступлениях тема предупреждения побегов заключенных была продолжена, но без детализации по другим учреждениям (кроме ИТК-14, где, как отмечалось, побегов было больше всего). Так, начальник ИТК-13 тов. Диденко отметил, что в возглавляемой им коло-

нии за рассматриваемый период времени допущено три побега; основная их причина - недостаточная работа с охраной, которая в количестве 50 человек «состоит исключительно из рабочих-нефтяников». Среди охранников наблюдаются нарушения несения караульной службы, в частности, «конвоиры по 6-7 чел. заключенных выводят на базар за покупкой продуктов, откуда они могут совершаться побеги» [5, л.5].

Результаты. О каких-либо выводах, необходимости принятия конкретных мер ничего не говорилось. Во всяком случае, в протоколе рассматриваемого совещания они не указываются, то есть, в выступлениях, в основном, констатировалось существующее положение дел с охраной заключенных, и это было характерно для большинства выступавших руководителей ИТК. Так, начальник ИТК-11 тов. Левин отметил, что в его колонии охрана укомплектована частично хозорганами, на объектах которого работают заключенные, при этом командного состава в охране нет, обмундированием охрана не обеспечена. В колонии по бригадам была проведена пробная тревога, она показала, что «стрелки, взяв винтовки, прибежали на место, но при проверке оказалось, что в винтовках не было патронов. Это говорит за то, что охрана не готова к срочным оперативным выполнениям» [5, л.5]. Помимо этого, были названы такие явления, как нарушение несения караульной службы, пьянки, воровство, сон на посту; при этом виновные к дисциплинарным взысканиям не подвергаются не всегда.

Командир дивизиона той же ИТК-11 тов. Середа посчитал, что основным недостатком в работе охраны - это полное отсутствие политико-воспитательной работы среди охраны.

По мнению начальника ИТК-3 тов. Возмилова, вопрос охраны и режима содержания заключенных заключается не только в охране заключенных, но и в том, что нужно проводить среди них воспитательную работу; стрелки не только должны охранять, но должны также изучать заключенных, так как «быт заключенных отражается на побегах»; и вот именно в результате «большой проведенной работы с личным составом охраны колония не имела ни одного побега» [5, л. 6].

Начальник ИТК-2 тов. Капустин дал такую формулировку: «Задача каждого начальника, командира взвода и оперуполномоченного сводится к тому, чтобы не допустить побегов» [5, л. 6]. В этой связи, он привел такие сведения:

12 апреля 1945 г. в колонии было чрезвычайное происшествие: бежало два заключенных по ст. 58, они убили стрелка, забрали его оружие, но этот побег был пресечен. И далее: «Это говорит за то, что охранники ведут с заключенными панибратские отношения. Охраны всего 24 человека, из-за недостатка охраны не имеем возможности давать ей полный отдых ... Имеется командир дивизиона по политчасти, но работы абсолютно не ведет» [5, л. 6]. В завершении он сказал, что до тех пор, пока не будет устроен нормальный быт охраны и проведение культурного отдыха, трудно добиваться полного решения поставленных задач.

Довольно интересное суждение привел в своем выступлении начальник контрагентского отделения ОИТК тов. Оссовский, по мнению которого, основной причиной побегов заключенных из колоний являлись:

первое - «неизучение контингента содержащихся в колониях»;

второе - «оторванность руководства учреждения от реальной ситуации в колонии»;

третье - неуккомплектованность охранных подразделений;

четвертое - отсутствие у конвоя «попутных списков», то есть, подробных сведений о конвоируемых заключенных, оснований к конвоированию;

пятое - отсутствие «практики самоохраны» в контрагентских колониях (тех колониях, которые ежедневно выводили заключенных на объекты их трудоустройства, как правило, гражданских хозяйствующих субъектов, и чаще всего, в тот период это было связано со строительными работами).

В этом же выступлении была затронута еще одна характерная проблема, связанная с взаимодействием, с одной стороны, исправительно-трудовых колоний, и, с другой стороны, хозорганами, с которыми колонии заключали соглашения о направлении заключенных в качестве рабочей силы на объекты хозорганов. В течение рабочего дня заключенные находились на территории объекта, то есть, вне колонии. И в этом случае возникал вопрос о том: На кого возлагать ответственность за охрану заключенных на объекте? Дело в том, что хозорганы были заинтересованы в производственных задачах, и обеспечение режима для заключенных их мало интересовало. ИТК же не имело достаточных ресурсов, чтобы на объектах, как правило, временных, разворачивать всю охранную систему такую же, как внутри ИТК. Отсюда возникали противоре-

чия между ИТК и хозорганами (в дальнейшем, они так не были полностью устранены вплоть до конца существования СССР).

В этом контексте, упомянутый тов. Оссовский говорил о том, что «все оборудование охраны должно идти не за счет хозорганов ... В мае мес. по вине охраны имели 63 простоя, вызванные тем, что сняты были отряды и посланы в розыск бежавших заключенных» [5, л. 7]. Он заявлял также, что «охрана обязана следить за выполнением заключенными норм выработки». Однако на этот счет были и другие мнения; в частности, командование дивизионов, отвечавших за охрану, в некоторых случаях прямо давали указания о том, что «охрана не должна отвечать за норму выработки», а должна отвечать за то, чтобы не было побегов заключенных – на этот счет высказывался начальник ИТК-10 тов. Козиненко [5, л.5].

Заключение. В результате проведенного совещания были определены мероприятия, которые должны были «изжить вышеизложенные недостатки», в том числе:

- начальникам колоний взять под повседневный контроль организацию питания военизированной охраны, выдавая полностью причитающиеся продукты, а также уделить серьезное внимание подготовке помещений военизированной охраны к зимнему периоду;
- командно-политическому составу военизированной охраны усилить проведение среди

личного состава ВОХР политико-массовой и воспитательной работы, направленной на качественное несение конвойно-караульной службы и поднятие воинской дисциплины;

- офицерскому составу штаба военизированной охраны работу подразделений охраны взять под повседневный контроль путем выезда в колонии, оказывая на местах практическую помощь;

- в ИТК-10, 11,12 организовать штрафные участки для содержания заключенных, склонных к побегу и нарушающих систематический лагерный режим [5, л. 11].

Такого рода обязывающие мероприятия фигурировали при проведении других подобного рода совещаниях. Однако как указывается в литературе, условия содержания осужденных в местах лишения свободы «в военный период были крайне тяжёлые, поэтому многие социально-бытовые проблемы так и не получили решения» [7, с. 49], а в учреждениях «имели место стихийные массовые драки, вызванные дерзким поведением «блатных» уголовников», а в некоторых лагерях происходили массовые беспорядки заключенных, для пресечения которых приходилось применять оружие [8, с. 367]. Ситуация, в данном контексте, стала заметно улучшаться лишь после смерти Сталина в 1953 г., когда социальные отношения в послевоенном СССР получили определенную стабилизацию на основе известной «хрущевской оттепели».

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Голубева А.Н. Вклад заключенных ГУЛАГа в достижение победы над гитлеровской Германией (1941-1945) // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 12. С. 24-27.
2. Исаков В.М. Вклад ГУЛАГА НКВД СССР В дело победы в Великой Отечественной войне // *Вестник Московского университета МВД России*. 2020. № 4. С. 35-41.
3. Реент Ю.А. Особенности функционирования уголовно-исполнительной системы в годы Великой Отечественной войны // *Вестник Кузбасского института*. 2015. № 3. С. 76-85.
4. Реент Ю.А. Проблемы обеспечения режима и трудовой деятельности подразделений ГУЛАГа в условиях военного времени (1941-1943 гг.) // *Уголовно-исполнительное право*. 2015. № 3. С. 132-137.
5. Архив УФСИН РФ по Краснодарскому краю. 1945 год. Оп. 14. Протоколы совещаний начальников ИТК, командиров дивизионов и начальников отделений ОИТК при начальнике ОИТК УНКВД по Краснодарскому краю за 1945 г. Протокол от 19.06.1945 г. Л.1-11.

6. Гнедов Е.В., Жданов А.В. История становления оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 5. С. 5-8.

7. Красноженова Е.Е., Кулик С.В. Исправительно-трудовые лагеря НКВД Сталинградской области в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 47-51.

8. Перлик М.И. Протестные выступления заключенных в исправительно-трудовых лагерях послевоенного ГУЛАГа (1945-1956 гг.): причины и основные направления деятельности правоохранительных органов по их нейтрализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 365-369.

References:

1. Golubeva A.N. The contribution of GULAG prisoners to achieving victory over Nazi Germany (1941-1945) // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2022. No. 12. pp. 24-27.

2. Isakov V.M. Contribution of the GULAG of the NKVD of the USSR to the victory in the Great Patriotic War // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4. pp. 35-41.

3. Reent Yu.A. Features of the functioning of the penal enforcement system during the Great Patriotic War // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015. No. 3. pp. 76-85.

4. Reent Yu.A. Problems of ensuring the regime and labor activity of GULAG units in wartime conditions (1941-1943) // Criminal and executive law. 2015. No. 3. pp. 132-137.

5. Archive of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation for the Krasnodar Territory. The year is 1945. Op. 14. Minutes of meetings of the heads of the ITK, division commanders and heads of departments of the ITK under the head of the ITK of the NKVD in the Krasnodarsk Territory for 1945. Protocol dated 06/19/1945, l.1-11.

6. Gnedov E.V., Zhdanov A.V. The history of the formation of operational divisions of the penal system // Bulletin of the penal enforcement system. 2015. No. 5. pp. 5-8.

7. Krasnozhnova E.E., Kulik S.V. Correctional labor camps of the NKVD of the Stalingrad region during the Great Patriotic War (1941-1945) // The Caspian region: politics, economics, culture. 2018. No. 4 (57). pp. 47-51.

8. Perlik M.I. Protest performances of prisoners in correctional labor camps of the post-war GULAG (1945-1956): the causes and main directions of law enforcement agencies' activities to neutralize them // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 6-1. pp. 365-369.

Информация об авторах:

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД России, uporov@list.ru

Стронская Анна Дмитриевна, кандидат юридических наук, доцент, Межрегиональный учебный центр по подготовке сотрудников отделов спецназначения УФСИН России по Краснодарскому краю, porov@list.ru

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Anna D. Stronskaya, Candidate of Law, Associate Professor, Interregional Training Center for the Training of employees of Special Purpose Departments of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Krasnodar Territory.